

Жест в средневековой западноевропейской проповеди (на примере итальянской проповеди XIII–XIV вв.)

Анна В. Топорова

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия, info@imli.ru;
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, centro.studi.it@gmail.com*

Аннотация. Отношение к использованию жестов и мимики в средневековой проповеди было амбивалентным. С одной стороны, трактаты по искусству сочинения проповеди, *Artes praedicandi*, предостерегали проповедников от чрезмерной жестикуляции, являющейся выражением личных эмоций. С другой – жест становится средоточием мысли, визуализацией определенной идеи или концепции, а также способом привлечь внимание уставшей аудитории, развлечь ее и облегчить ей восприятие сложных проблем. В настоящей статье анализируется с этой точки зрения манера проповедовать св. Франциска Ассизского, известная нам по его жизнеописаниям. Внешне эксцентричное поведение во время проповеди всегда скрывает за собой некий духовный смысл, концентрирующийся в конкретном жесте (надевание веревки на шею или снятие одежды, пожатие лапы волку из Губбио, благословение птиц и др.). Францисканскую традицию жестикуляции продолжает проповедник XV в. Бернардино да Сиена: его излюбленный жест – протягивание таблички с инициалами Иисуса Христа на фоне расходящихся лучей – выражает суть его проповеднического кредо: живая вера в повседневной жизни. Аналогичную функцию выполняет жест у Роберто Карачоло да Лечче (выдвижение Распятия в направлении слушателей). А богатая мимика и эмоциональные восклицания, междометия, вздохи Бернардино да Сиена представляют собой хорошо продуманную тактику держать контроль над аудиторией.

Таким образом, в средневековой проповеди жест не должен быть непосредственным выражением эмоции, а призван служить для передачи богословского содержания и способствовать его усвоению слушателями, не всегда имеющими соответствующую подготовку.

© Топорова А.В., 2019

Ключевые слова: средневековая проповедь, жест как знак, мимика, Франциск Ассизский, Бернардино да Сиена

Для цитирования: Топорова А.В. Жест в средневековой западноевропейской проповеди (на примере итальянской проповеди XIII–XIV вв.) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 3. С. 10–20.

Gesture in Medieval Western European Sermons (based on the example of 13th and 14th century Italian sermons)

Anna V. Toporova

*Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia; Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia; centro.studi.it@gmail.com*

Abstract. The attitude towards the use of gesture and facial expression in medieval sermons was ambivalent. On the one hand, treatises on the art of making sermons (*Artes praedicandi*) warned preachers of excessive gesticulation as an expression of personal emotion. On the other, gesture became a concentration of thought, a visualization of a certain idea or concept, and a means of attracting the attention of a tired audience, entertaining it, and helping it to understand complex problems. In this article, we analyze from this standpoint the manner of preaching of St. Francis of Assisi, about which we know from his vitae. His seemingly eccentric behavior while preaching always hid a certain spiritual meaning that was concentrated in a concrete gesture (putting a rope around his neck, taking off his clothes, squeezing the paw of the wolf from Gubbio, blessing birds, etc.). The Franciscan tradition of gesticulation was continued by the 15th-century preacher Bernardino of Siena. His favorite gesture – holding up a tablet with the initials of Jesus Christ with diverging rays in the background – expressed the essence of his credo as a preacher: living faith in everyday life. A similar function was performed by a gesture of Roberto Caracciolo da Lecce: holding a Crucifixion before the audience. Bernardino of Siena's manifold facial expressions, emotional exclamations, interjections, and sighs represent a well-planned strategy for controlling the audience.

Thus gesture in medieval sermons was not an immediate expression of emotion but a means of transmitting theological content and helping the audience to assimilate it, no matter what its educational background.

Keywords: medieval sermon, gesture as a sign, facial expression, St. Francis of Assisi, Bernardino of Siena

For citation: Toporova AV. Gesture in Medieval Western European Sermons (based on the example of 13th and 14th century Italian sermons). *RSUH / RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, 2019;3: 10-20.

Введение. Жест как знак

Как известно, жест – это знак, заключающий в себе определенную информацию, понятную для людей, принадлежащих к одному культурному пространству, то есть жест имеет национальную и временную специфику. Наглядным примером тому является первая сцена первого акта шекспировской трагедии «Ромео и Джульетта». В ней представлена встреча слуг из двух враждующих домов, Монтекки и Капулетти. Горя желанием устроить ссору, один из слуг придумывает удачный повод: “I will bite my thumb at them” (досл.: «Я буду грызть мой большой палец на их счет») – говорит он и приводит это намерение в исполнение. Интересно сопоставить два перевода этого пассажа на русский. Щепкина-Куперник переводит его как «показать кукиш», справедливо полагая, что в русской культурной традиции не понятен смысл шекспировского жеста – грызть палец; тогда как кукиш вне всяких сомнений воспринимается как оскорбительный жест. Пастернак предлагает более близкий к оригиналу перевод: «Я буду грызть ноготь по их адресу. Они будут опозорены, если смолчат». И далее следует замечательный диалог:

А б р а м: Не на наш ли счет вы грызете ноготь, сэр?

С а м с о н: Грызу ноготь, сэр.

А б р а м: Не на наш ли счет вы грызете ноготь, сэр?

<...>

С а м с о н: Нет, я грызу ноготь не на ваш счет, сэр. А грызу, говорю, ноготь, сэр.

Г р е г о р и о: Вы набиваетесь на драку, сэр? [1 с. 15–16]

И хотя в русской культурной традиции грызть ноготь – это в первую очередь знак невоспитанности, а не оскорбления, в вышеприведенном ироническом диалоге функция этого жеста вполне понятна.

Средневековье – эпоха, особенно трепетно относившаяся к знакам. Средневековый человек исходил из того, что Бог говорит с ним знаками, которые надо распознать и интерпретировать. Священное Писание и природа воспринимались как две книги, в которых

содержалось божественное сообщение. И если в первой оно выражено в словах, хотя и не всегда понятных, то во второй – в знаках, требующих расшифровки. Блестящую иллюстрацию этого тезиса являет первая глава романа У. Эко «Имя розы», произведения, построенного с опорой на семиотические теории его автора. Мудрый и проницательный монах-францисканец Вильгельм из Баскавиллы подходит со своим послушником Адсоном к бенедиктинскому аббатству, куда он направлен с дипломатической миссией. Навстречу им движется некая процессия с монастырским келарем во главе. После полагающихся приветствий Вильгельм – совершенно неожиданно – сообщает келарю, где находится тот конь, которого он ищет (хотя ранее о коне не было сказано ни слова), описывает его внешний вид и сообщает его имя. Несколько позже он объясняет ошеломленному Адсону, как по знакам, замеченным им на пути (обломанная ветка, черный конский волос, следы копыт, расположенные на равном расстоянии друг от друга, помойка с остатками соломы), а также исходя из знания общего культурного контекста, рыцарского и религиозного, он реконструировал облик коня, его путь и даже имя. В заключение он произносит:

Всю поездку я учу тебя различать следы, по которым читаем в мире, как в огромной книге. Сказал же Алан Лилльский:

всей вселенной нам творенье –
будто бы изображенье,
книга или зеркало, –

и судил о неисчерпаемом обилии символов, коими Господь через посредство творений своих глаголет к нам о вечной жизни [2 с. 38].

Именно умение видеть и распознавать знаки помогает Вильгельму раскрыть серию загадочных убийств, совершенных в аббатстве.

Амбивалентность восприятия жеста

Все это надо иметь в виду, говоря о жесте применительно к средневековой проповеди. Разумеется, жест был очень мощным средством воздействия на слушателей, и средневековые проповедники не могли не прибегать к нему. Тем не менее или, наоборот, именно в силу этого отношение к использованию жестов и мимики в средневековой проповеди было амбивалентным. Следует отметить, что поведение проповедника, манера проповедовать

и построение проповеди были подробнейшим образом освещены в специальных трактатах – «*Artes praedicandi*». Концепция личности проповедника занимает в них важное место. Еще Григорий Великий пишет в «Пастырском правиле» о том, что проповедник должен быть одновременно устремлен к Богу и обращен к пастве; всеми силами он должен стремиться избегать тщеславия. Это положение повторяют почти все авторы «*Artes praedicandi*». Гвиберт Ножанский в трактате «Каким образом следует составлять речь» предостерегает проповедника ставить в центр проповеди свою личность, заботиться о своей славе, а не о духовном наставлении слушателей. О том же говорит Алан Лилльский в «Сумме проповеднического искусства»: передавая слушателям божественную весть, проповедник не должен выставлять себя вперед. Гийом Овернский («О ликах мира») призывает проповедника смиренно передавать другим вверенное ему сокровище. Гумберт Романский в своем сочинении «Об образовании проповедников» решительно предостерегает их от гордости и любования собой. Примеры такого рода можно было бы продолжить. Следствием этих наставлений является отрицательное отношение к чрезмерной жестикуляции как выражению личных эмоций и способу привлечения внимания к собственной персоне. Таким образом, жестикуляция не одобряется, когда она поверхностна и обращена на самого себя, когда она отвлекает от содержания, мешает самоуглублению слушателей, их внутренней работе по постижению смысла, который стремится передать проповедник.

Помимо «*Artes praedicandi*» мы находим и другие свидетельства такого отношения. Например, сохранилась не только запись проповеди доминиканца Джордано да Пиза, произнесенной им во Флоренции в Страстную пятницу 1306 г., но и описание того впечатления, которое она произвела: «Он заставил всех плакать; рыдали мужчины и женщины, старики и дети, равно как и прочие. А он пребывал в одном состоянии, лицо его не изменилось, он не сделал ни одного жалостливого жеста, как если бы он проповедовал о чем-то другом» (а не о Страстях Господних) [3 с. LXXXV]. Эта проповедь построена как драматическое действие вселенского масштаба, в котором участвуют Бог-Отец, Христос, Богородица, Церковь и иерусалимские женщины – каждый из них произносит цитаты из пророков и Песни песней, прообразующих описываемые события, поэтому устранение проповедника от выражения собственной позиции иначе как целомудренным и благоговейным не назовешь.

Противоположный пример являют те проповедники, которые пытались дешевыми приемами завоевать расположение публики. В Италии таких оказалось много в XV в., когда традиционная

проповедь стала казаться не отвечающей новым вкусам. По словам известного проповедника XV в. Бернардино да Сиена, эти люди заботятся о «красивой речи», «красивом диспуте», «о жизни же души ничего не знают» [4 с. 264]. Эпоха Возрождения выдвинула ряд проповедников: Мариано да Дженнаццано, вращавшийся при дворе Лоренцо Медичи, Паоло Аттаванти, Габриелло Барлетта, – которые в угоду образованной публике цитировали в проповедях античных авторов, Данте, Петрарку (Дженнаццано даже собирался комментировать их сочинения в проповедях), использовали напыщенный стиль, неумеренную жестикуляцию, часто грубые шутки. Внешняя сторона была в их проповедях важнее содержания.

*Жест как способ передачи духовного смысла.
Франциск Ассизский*

Вместе с тем мы знаем немало примеров, когда жест становится средоточием мысли, визуализацией определенной идеи или концепции, способом заставить аудиторию задуматься. С этой точки зрения привлекает внимание манера проповедовать св. Франциска Ассизского, известная нам по его жизнеописаниям. Его проповеди отличались особой драматичностью и театральностью, если не сказать экстравагантностью. Известно, что Франциск порицал проповедников, «которые продают свое служение за грош тщеславия» [5 с. 469] («Второе житие» Фомы Челанского, гл. СХХIII). Как говорится в «Легенде трех спутников», «он не прибегал к угодничеству, пренебрегал красноречием» [5 с. 746]. А однажды Франциск выразил эту мысль не словами, а жестами и действиями. Вот как эта проповедь описана во «Втором житии» Фомы Челанского: «Когда они собрались, как обычно, *услышать слово Божие*, но также чтобы увидеть отца, Франциск *возвел очи на небо*, где всегда находилось его сердце, и начал молиться Христу. Затем приказал, чтобы ему принесли пепел, посыпал его вокруг себя, а остаток высыпал себе на голову» [5 с. 504]. Когда же слушатели недоумевали, что будет далее, он прочитал покаянный 50-й псалом и быстро удалился. Такая сцена, более чем слова, должна была убедить слушателей в важности смирения.

Жития Франциска сообщают и о других аналогичных сценах: например, в Ассизи он проповедовал обнаженный с веревкой на шее в знак покаяния за съеденный им во время болезни кусок курицы (об этом повествуется в «Первом житии» Фомы Челанского, гл. XIX, и в «Большой легенде» Бонавентуры, гл. VI); проповедуя перед папой Римским Гонорием III, Франциск перебирал ногами,

как если бы танцевал, в знак духовной радости. Такое внешне эксцентричное поведение во время проповеди всегда скрывает за собой некий духовный смысл, концентрирующийся в конкретном жесте: надевание веревки на шею или снятие одежды, посыпание главы пеплом, перебирание ногами. Часто в жесте заключен основной смысл проповеди; таково пожатие лапы волку из Губбио, благословение птиц, эпизоды, особенно ярко описанные в «Цветочках Франциска Ассизского». Казалось бы, оба эти жеста вполне традиционны, но не традиционен их адресат – птицы или свирепый волк, досаждавший жителям Губбио постоянными нападениями на скот и людей. Эффект этих жестов оказался удивительным для очевидцев: волк прекратил свои хищнические вылазки и подружился с жителями Губбио, а птицы выстроились в воздухе в форме креста. Эти сцены отсылают нас к сочиненному Франциском «Гимну творений», где речь идет о духовном родстве всех творений Божиих и об их единстве в восхвалении своего Создателя.

Жест в проповеди Бернардино да Сиена

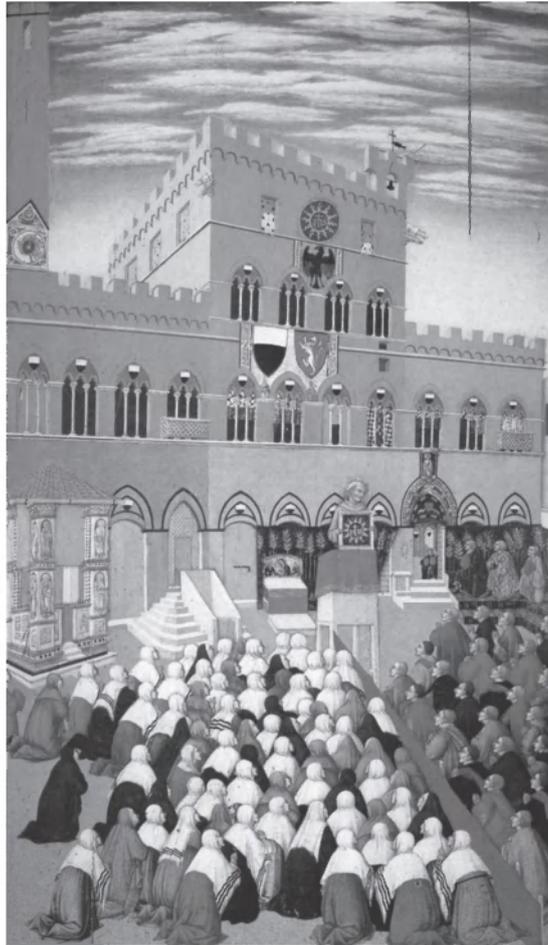
Францисканскую традицию жестикюляции продолжает Бернардино да Сиена, пользовавшийся необыкновенной популярностью: толпы народа встречали его с оливковыми ветвями при въезде в город; к нему обращались как к епископу (коим он не являлся) с просьбой рукоположить в священники; его проповеди собирали огромное количество народа и дословно записывались. Он известен распространением культа Иисусова имени среди своих слушателей (кстати, из-за нетрадиционности этого предприятия он имел немало неприятностей; в частности, трижды дело доходило до инквизиции и трижды он выходил оправданным). Во время проповедей Бернардино показывал своим слушателям табличку с тремя золотыми буквами YHS/IHS (аббревиатура от Yehsus/Iehsus), помещенными внутри солнца с исходящими из него лучами, прямыми и волнистыми, на голубом фоне: двенадцать больших символизируют апостолов, неопределенное количество малых – прочих учеников. Сохранились многочисленные живописные свидетельства этого жеста: Сано ди Пьетро, Бенвенуто ди Джованни, Андреа Мантенья, Россело ди Якопо Франки и другие художники зафиксировали его на своих картинах. Бернардино призывал повсюду помещать этот знак: на общественных зданиях и частных домах, на знаменах, на предметах домашнего обихода. В 1425 г. он был размещен на фронте палатцо Публико, Дворца коммуны, в Сиене. Этот знак выражает суть его проповеднического кредо:

живая вера в повседневной жизни. Он вовсе не связан, как можно было бы подумать, с богословием божественного имени, которое Бернардино мог знать по трудам своих собратьев по ордену Жильбера да Турне и Убертино да Казале. У Бернардино речь идет не о глубинах религиозной философии (как, например, у Мейстера Экхарта в связи с тетраграммой божественного имени), а о внедрении в общественную жизнь благочестивого обычая; т. е. цель Бернардино миссионерская. Таблички с именем Иисуса были для него скорее внешним знаком, призванным напомнить горожанам об их христианстве. Впрочем, вполне естественно, что, проповедуя перед широкими массами, Бернардино и не мог углубляться в сложные богословские проблемы. Аналогичную функцию выполняет жест у другого францисканского проповедника, Роберто Караччоло да Лечче, которого нередко приглашали в качестве миротворца (*paciere*), чтобы проповедями и участием в переговорах он способствовал примирению враждующих партий в итальянских городах. Во время таких проповедей Роберто да Лечче выдвигал в направлении слушателей Распятие. И этот жест умягчал сердца, вызывал раскаяние и способствовал примирению.

Что касается Бернардино, то он прибегал к жестам и для других целей: чтобы привлечь внимание уставшей аудитории, развлечь ее и облегчить ей восприятие сложных проблем (заметим, что проповеди длились по несколько часов, так что передышка, безусловно, не была лишней). Его манера проповедовать отличалась использованием не только жестов, но и мимики, эмоциональных восклицаний, междометий, вздохов (они отмечены в тексте проповедей его усердным писцом, *reportatore*). Все это хорошо продуманная тактика, помогающая проповеднику держать контроль над аудиторией. Бернардино ожидает от слушателей живого участия, он задает вопросы, риторические и не только, делает замечания, приводит эпизоды из повседневной жизни прихожан [6 с. 83–90]. Жестикуляция и мимика помогают ему в этом, они становятся действенным средством невербальной коммуникации со слушателями. Ср.: «Ты видел, когда кто-нибудь рассержен на другого? Знаешь, как он это показывает? Он показывает это нахмуренным лицом, смотри... вот так!» [7 с. 300]. (Заметим в скобках, что ради установления общения с аудиторией Бернардино пошел на очень существенные изменения в структуре проповеди [8 с. 98–160]). У некоторых проповедников (например, у Джироламо Савонаролы) жестикуляция была выражением его нервного, порой экзотического внутреннего устройства.

Заключение

Подводя итоги, можно сказать, что в средневековой проповеди жест выполнял разнообразные функции. Но главным образом он призван был служить для передачи духовного смысла, богословского содержания, а не быть непосредственным выражением сиюминутной эмоции. И, конечно, он должен был способствовать усвоению этого смысла слушателями, не всегда имеющими соответствующую подготовку.

Сано ди Пьетро.
Св. Бернардино проповедует на площади Кампо.
Ок. 1445

Андреа Мантенья.
Св. Бернардино с ангелами. Ок. 1460

Литература

1. Шекспир В. Сочинения: в переводе Б. Пастернака. Т. 1. М.; Л.: Искусство, 1949. 608 с.
2. Эко У. Имя розы / Пер. Е. Костюкович. М.: АСТ, 2017. 672 с.
3. *Giordano da Pisa. Quaresimale fiorentino 1305–1306* / Ed. critica a cura di C. Delcorno. Firenze: Sansoni, 1974. 556 p.
4. *Bernardino da Siena. Le prediche volgari (Firenze 1425)*. A cura di C. Cannarozzi. Firenze: Libreria Editrice Fiorentina, 1940. V. 2. 403 p.
5. Истоки францисканства / Пер. О. Седаковой, А. Топоровой, Л. Сумм. Assisi: Movimento francescano, 1996. 1160 с.
6. Топорова А.В. Религиозная жизнь средневековой Италии в зеркале литературы. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 191 с. (Серия Mediaevalia)
7. *Bernardino da Siena. Prediche volgari*. A cura di P. Bargellini. Milano; Roma: Rizzoli, 1936. 1173 p.
8. Топорова А.В. Проповедь и проповедники в Италии: от Средних веков к Возрождению. М.: Тезаурис, 2011. 380 с.

References

1. Shakespeare W. Plays. Moscow, Leningrad: Iskustvo Publ.; 1949. 608 p. [In Russ.]
2. Eco U. The Name of the Rose. Moscow: AST Publ.; 2017. 672 p.
3. Giordano da Pisa. Quaresimale fiorentino 1305–1306 / Ed. critica a cura di C. Delcorno. Firenze: Sansoni, 1974. 556 p.
4. Bernardino da Siena. Le prediche volgari (Firenze 1425). A cura di C. Cannarozzi. Firenze: Libreria Editrice Fiorentina, 1940. V. 2. 403 p.
5. Sources of the Franciscan Order. Assisi: Movimento francescano, 1996. 1160 p. [In Russ.]
6. Toporova AV. Religious Life in Medieval Italy through the Prism of Literature. Moscow; Sankt-Peterburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ.; 2018. 191 p. (Mediaevalia) [In Russ.]
7. Bernardino da Siena. Prediche volgari. A cura di P. Bargellini. Milano; Roma: Rizzoli, 1936. 1173 p.
8. Toporova AV. Sermons and Preachers in Italy: from the Middle Ages to the Renaissance. Moscow: Tezaurus Publ.; 2011. 380 p. [In Russ.]

Информация об авторе

Анна В. Топорова, доктор филологических наук, доцент, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия; 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а; info@imli.ru; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; ГСП-3, 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; centro.studi.it@gmail.com

Information about the author

Anna V. Toporova, Dr. of Sci. (Philology), assistant professor, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 25a, Povarskaya st., Moscow, 121069, Russia; info@imli.ru; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, GSP-3, 125993, Russia; centro.studi.it@gmail.com